

**Постоянное представительство
Российской Федерации
при Организации
Объединенных Наций**

*136 E 67th Street
New York, NY 10065*

**Permanent Mission
of the Russian Federation
to the United Nations**

*Phone: (212) 861-4900
Fax: (212) 628-0252
517-7427*

Check against delivery

24 октября 2017 года

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
представителя Российской Федерации
в Шестом комитете 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
по пункту повестки дня «Доклад Комиссии международного права
о работе ее 69-й сессии»**

Г-н Председатель,

Позвольте поблагодарить Председателя Комиссии международного права, профессора Георга Нольте, за представление доклада о работе Комиссии на ее 69-й сессии. Приветствуем в нашем зале спецдокладчиков Комиссии.

Российская делегация с большим вниманием и интересом следит за работой Комиссии. Сложно переоценить тот вклад, который Комиссия вносит своим многолетним трудом в кодификацию и прогрессивное развитие международного права.

Высокий авторитет Комиссии налагает на нее особую ответственность в выборе тем для рассмотрения, методологии их изучения, а также в выводах, которые она представляет на рассмотрение государств. Международное право - это «живой организм», который развивается вместе с изменением международных отношений. Однако не стоит забывать, что международное право также играет роль фундамента международной жизни, который должен быть прочным и стабильным с тем, чтобы обеспечивать устойчивость всей системы.

Существуют различные мнения в академическом сообществе относительно будущих направлений развития международного права, различные НПО призывают государства принимать на себя «повышенные обязательства». Однако нельзя игнорировать тот факт, что основными субъектами развития международного права являются государства, именно на мнение государств, их практику и подходы важно ориентироваться Комиссии.

Исходим из того, что Комиссия должна проявлять «здоровый консерватизм» в своей работе.

Г-н Председатель, по организационным причинам мы хотели бы в одном выступлении прокомментировать все кластеры работы Комиссии, а также будущие темы.

В этом году Комиссия приняла в первом чтении проект статей о **«Преступлениях против человечности»**. Наша делегация внимательно изучает этот проект и намерена представить свои комментарии по нему в установленные сроки.

Хотелось бы также сразу коснуться двух других тем на повестке дня Комиссии: это **«Защита атмосферы»** и **«Охрана окружающей среды в связи с вооруженным конфликтом»**. Оба вопроса уже некоторое время находятся на рассмотрении Комиссии, по ним вырабатываются руководящие принципы. Однако изучение этих принципов наводит нас на мысль, что в обозначенных областях на данном этапе недостаточно практики государств, которая бы свидетельствовала в пользу необходимости дополнительного регулирования. И в рамках первой, и в рамках второй темы имеются международные инструменты, которые, на наш взгляд, достаточным образом регулируют соответствующие отношения между государствами. Добавление к ним принципов общего характера о необходимости сотрудничества, обмена информацией, заключения дополнительных соглашений едва ли способствует правовой определенности.

В этой связи хотели бы выразить сомнения в перспективности дальнейшей работы над обозначенными темами.

Тема **«Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции»** является одной из ключевых в текущей повестке дня КМП. Положения международного права относительно иммунитета должностных лиц от иностранной уголовной юрисдикции распространяются на всех должностных лиц и являются нормой обычного права, вытекающей из государственного суверенитета – основополагающего института международного права.

В этом году Комиссия, по предложению Спецдокладчика г-жи Эскобар Эрнандес, рассмотрела вопрос исключений из иммунитета. Прежде чем давать комментарии по существу выводов Комиссии хотелось бы с сожалением отметить, что исключения стали предметом изучения Комиссии до процедурных аспектов иммунитета. Поскольку иммунитет имеет процессуальную природу (и таким образом полностью отличен от материального права, которое определяет правомерность поведения лица), процедурные аспекты его применения имеют первостепенное значение. На наш взгляд, формулирование процедурных правил применения иммунитета могло бы снять целый ряд тезисов, которые используются в пользу необходимости закрепления исключений из иммунитета должностных лиц.

Российская делегация разделяет вывод Комиссии о том, что исключения из иммунитета должностных лиц не применимы к лицам, обладающим иммунитетом *ratione personae*. В этой связи хотели бы еще раз отметить: мы исходим из того, что круг лиц, обладающих иммунитетом *ratione personae*, не ограничивается «тройкой» (глава государства, глава правительства, министр иностранных дел), но распространяется и на других высших должностных лиц – например, на министра обороны.

На этом наше согласие с выводами Комиссии по этой теме заканчивается. Изучив доклад Комиссии, а также доклад Спецдокладчика, мы исходим из того, что в них не было приведено доказательств - прежде всего в практике государств - наличия в действующем международном праве исключений из иммунитета *ratione materiae*. Равным образом не прослеживаются тенденции к исключениям в практике государств. Исключения, перечисленные в проекте статьи 7, принятой Комиссией путем голосования, не подтверждаются ни последовательной практикой национальных или международных судов, ни национальным законодательством.

Не увидели также согласия в Комиссии по вопросу, считает ли Комиссия такие исключения нормой *lex lata* или *lex ferenda*, что также не свидетельствует об объективном рассмотрении вопроса.

Таким образом, приходится с сожалением констатировать, что при рассмотрении данного вопроса объективный подход уступил место субъективному желанию создать новую норму для привлечения к ответственности должностных лиц государств. Вопросы, существуют ли в международном праве исключения из иммунитетов и должны ли они существовать, не тождественны, как не тождественны понятия иммунитета и безнаказанности.

Перед Комиссией стоит не вопрос, как привлечь должностное лицо к ответственности, а вопрос о том, существуют ли исключения из общего правила иммунитета должностного лица одного государства от национальной (а не международной) уголовной юрисдикции другого государства (а не того, на службе которого он находится). Из одного только названия темы очевидно, что существуют иные способы привлечения виновного лица к ответственности за преступления, например, в своем собственном государстве, в надлежащем образом созданных международных судебных инстанциях. Кроме того,

государство может решить отказаться от иммунитета соответствующего должностного лица.

Исходим из того, что искусственное создание международно-правовой нормы, не отражающей действительности и встречающей настойчивое возражение государств, не может являться ни кодификацией, ни прогрессивным развитием права и не отвечает целям работы Комиссии.

Переходя к другой важной теме на рассмотрении Комиссии – **«Императивные нормы общего международного права (Jus cogens)»** хотели бы, прежде всего, поблагодарить Спецдокладчика г-на Д.Тлади за подготовленный доклад и за его роль в продвижении этой темы.

Мы приветствуем изменение названия темы «Jus cogens» на «Императивные нормы общего международного права (Jus cogens)». Придерживаемся мнения, что это поможет окончательно обозначить сферу охвата доклада и прекратить разногласия о том, существуют ли региональные императивные нормы.

Мы также разделяем подход Комиссии в том, что основой ее работы по этой теме является статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров. В этой связи в целом определение нормы *jus cogens*, как оно было сформулировано в проекте заключения 3 (содержащегося в приложении к докладу председателя редакционного комитета КМП), идет в верном направлении.

Отмечаем как положительный момент исключение из определения посторонних для Венской конвенции элементов (основополагающих ценностей, которые защищаются нормами *jus cogens*, и их иерархическое превосходство и универсальную применимость), которые перешли в проект заключения 2. Этот проект заключения вызывает у нас вопросы. В целом, на наш взгляд, он не имеет нормативного содержания и может быть перемещен в преамбулу или комментарии к проекту. Кроме того, обращаем внимание на то, что в этом

выводе центральное для норм *jus cogens* понятие «международное сообщество государств в целом» заменено понятием «международное сообщество», что вносит правовую неопределенность.

Возвращаясь к определению, отмечаем, что в нем самом, как и в последующих выводах, критерии нормы *jus cogens* разбиваются на два элемента: (1) норма общего международного права и (2) принятая и признанная международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

Полагаем, что важная характеристика норм *jus cogens*, а именно их инвалидирующий эффект, является не только следствием, но и критерием норм *jus cogens*, предложили бы добавить эту характеристику в определение.

Хотели бы также остановиться на еще одном ключевом для данной темы вопросе. В проекте вывода 5 закрепляется подход, согласно которому основным источником императивных норм является обычай, а договорные нормы и общие принципы права могут служить лишь основой таких норм.

Не разделяем этот подход. Исходим из того, что основополагающие императивные нормы международного права были созданы универсальным договором - Уставом ООН. Именно этим договором был установлен не существовавший до этого принцип неприменения силы. Предлагаем Комиссии соответствующим образом скорректировать проект.

Согласны с выводом Комиссии о том, что признание нормы в качестве нормы *jus cogens* должно отличаться от признания нормы в качестве нормы общего международного права и должно устанавливаться отдельно (проект вывода 6).

Однако у нас есть вопросы в отношении проекта вывода 7. В первом пункте вывода верно отмечается, что признание нормы *jus cogens* осуществляется «международным сообществом государств в целом», что на

наш взгляд, означает консенсус среди всех государств. Однако во втором пункте речь идет о том, что не требуется признание всех государств, а только лишь значительного большинства.

Исходим из того, что требуется признание всех государств, однако не во всех случаях такое признание будет активным. Норма *jus cogens* может возникнуть при активном признании значительным большинством государств и невозражении всех остальных.

Что касается дальнейшей работы Комиссии, то важно рассмотреть доказательства признания в качестве нормы *jus cogens*. Здесь, на наш взгляд, значение имеет практика государств, а не других акторов.

В рамках обсуждения доклада в Комиссии в очередной раз поднимался вопрос о целесообразности составления перечня норм *jus cogens*. Продолжаем поддерживать Спецдокладчика в том, что к этому решению нужно подходить предельно осторожно и на данном этапе, прежде всего, сосредоточиться на выявлении общих требований, предъявляемых к определению норм *jus cogens*.

Российская делегация ознакомилась с работой Комиссии по теме **«Правопреемство государств в отношении ответственности государств»**, разработку которой ведет проф. П.Штурма.

На данном этапе нам не вполне ясно, может ли работа по данной теме быть продуктивной.

С одной стороны, в первом докладе по теме утверждается, что необходимо прояснить вопрос о том, существуют ли нормы международного права, которые регулируют передачу прав и обязательств, вытекающих из международной ответственности государств за международно-противоправное деяние. С другой стороны, отмечается, что необходимо исследовать практику государств и другие соответствующие свидетельства, необходимые для идентификации норм международного права, и решить, существуют ли искомые нормы.

Исходя из этого, как мы понимаем, Комиссия не пришла к выводу о том, существует ли общая норма о правопреемстве государств в отношении ответственности или общей нормой является норма о неправопреемстве.

Как мы понимаем, Комиссия скорее склоняется к наличию нормы о неправопреемстве и возможного наличия исключений из нее.

Кодификация международного права возможна только в том случае, когда нормы уже существуют. Мы исходим из того, что не существует нормы обычного права, которая бы закрепляла возможность автоматического перехода государству-правопреемнику обязательств, вытекающих из международно-противоправного деяния.

При этом Спецдокладчик приводит примеры судебных решений, которые, по его мнению, свидетельствуют о наметившейся тенденции к пересмотру общей нормы о неправопреемстве.

Однако приведенные судебные решения не могут, на наш взгляд, являться доказательством отхода от общей нормы неправопреемства, ввиду того, что эти решения не содержат в себе вывода относительно существования общей нормы о правопреемстве или о неправопреемстве. В качестве наиболее важного решения, Спецдокладчик привел дело Габчиково-Надьмарош (Gabcikovo-Nagymaros). Однако в указанном деле Суд признал за Словакией наличие вторичных обязательств перед Венгрией, прежде всего, в силу имевшегося между сторонами соглашения, в котором стороны пришли к согласию о том, что Словакия является единственным правопреемником Чехословакии. Из материалов дела ясно следует, что ответственность Словакии за действия Чехословакии не основывалась на какой-либо общей норме о правопреемстве в отношении международной ответственности.

В качестве свидетельства отхода от нормы о передаче ответственности Спецдокладчик также приводит примеры соглашений о передаче ответственности при правопреемстве. Однако непонятно, исходят ли стороны

при заключении подобных соглашений из понимания того, что в международном праве существует норма, закрепляющая переход ответственности при правопреемстве, или они исходят из правила о свободе договора. В таком случае такие соглашения вряд ли можно рассматривать как подтверждение существования нормы о переходе ответственности при правопреемстве.

Обратили внимание на то, что в докладе Спецдокладчика имеется ссылка на распад Советского Союза, как на один из примеров правопреемства второй половины 20 века, когда, как известно, Российская Федерация является продолжателем Советского Союза. Исходим из того, что продолжительность не является частью этой темы.

У нашей делегации на данном этапе нет уверенности в том, что работа по данной теме востребована государствами. Как известно, подготовленные ранее Комиссией проекты конвенций о правопреемстве в отношении договоров и в отношении долгов, не обрели необходимой поддержки государств.

Что касается темы **«Временного применения договоров»**, то мы бы хотели обратить внимание Комиссии на озвученные нами ранее вопросы, изучение которых в рамках данной темы могло бы быть полезно. В частности, речь идет об особенностях временного применения различных по характеру международных договоров (двусторонних, многосторонних открытых, многосторонних с ограниченным участием), особенностях временного применения, основанного на одностороннем заявлении или решении международной организации, особенностях прекращения временно применяемых договоров. Были бы заинтересованы в разработке Комиссией модельных положений о временном применении договоров.

В заключение хотели бы поприветствовать включение Комиссией двух новых тем в долгосрочную программу работы – **«Доказательства в международном правосудии»** и **«Общие принципы права»**. Полагаем, что рассмотрение обоих тем было бы полезным.

Благодарю Вас, г-н Председатель.